

Vološčuk, Jevhenija

**Кафка на пути к (пост)советскому литературному канону : Дмитрий
Затонский как открыватель и интерпретатор творчества пражского писателя**

Opera Slavica. 2024, vol. 34, iss. 2, pp. 159-178

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2024-2-13>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.81663>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 07. 03. 2025

Version: 20250223

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Кафка на пути к (пост)советскому литературному канону: Дмитрий Затонский как открыватель и интерпретатор творчества пражского писателя

Евгения Волощук
(Франкфурт-на-Одере, Германия)

История рецепции Франца Кафки в (пост)советском культурном пространстве не представима без фигуры Дмитрия Владимировича Затонского (1922, Одесса — 2009, Киев) — выдающегося советского и украинского литературоведа, автора 14 монографий и более 400 статей и предисловий к переводам произведений зарубежных писателей, многолетнего заведующего отделом зарубежных литератур Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины и исследователя, заложившего фундамент украинской германистики, академика Национальной академии наук Украины, действительного члена Европейской академии наук и искусств в Зальцбурге, лауреата российской премии им. А. Карельского (1995), немецкой медали Гете (2005), украинского ордена Ярослава Мудрого (2009) и, наконец, ученого, который еще на заре своей научной карьеры приобрел славу легендарного открывателя и интерпретатора крупных западных писателей в СССР. Именно Дмитрий Затонский сыграл решающую роль в растабуировании пражского писателя, его последующей интеграции в литературный канон и внедрении в исследовательское поле гуманитариев. Вклад ученого в научное и культурное освоение кафковского творчества в СССР и в независимой Украине находится в центре внимания данной статьи.

Текст(ы) + контекст(ы): «реабилитация» Кафки на фоне культурной атмосферы хрущевской «оттпепели»

Дмитрий Владимирович Затонский принадлежал к той генерации советской интеллигенции, которая, пережив массовые репрессии и Вторую мировую

войну, вышла на культурную авансцену в эпоху хрущевской «оттепели». Это была особая генерация: закаленная опытом существования в условиях длительных исторических эксцессов, она хотела и могла взяться за задачу постсталинской либерализации культуры. И это была особая эпоха — эпоха разрушения невидимой границы внутри СССР, разделявшей в сталинские годы страну на «материковую» и «лагерную» зоны, которые отличались друг от друга только формами тоталитарного порабощения. Это было время, когда из тюрем и лагерей возвращались домой выжившие жертвы политических репрессий, из закрытых архивов НКВД поступали справки о реабилитации несправедливо осужденных, на страницах газет и журналов появлялись публикации о преступлениях сталинского режима, а в удушливой культурной атмосфере парили миражи свободы. Этот период, который на жаргоне тогдашней советской интеллигенции полуиронично-полупочтительно именовался «реабилитансом» (прозрачная контаминация слов «реабилитация» и «ренессанс»), в украинской культуре ознаменовался развертыванием диссидентского движения и появлением целого ряда ярких талантов. Именно тогда на страницах литературно-критических и литературоведческих изданий заблестало ироничное перо Дмитрия Затонского.

Он стартовал, по собственным словам, довольно поздно. Первые его статьи появились в печати незадолго до его сорокалетия. Причиной тому был перерыв в его профессиональной биографии, длившийся с 1937 года и до начала «оттепели»: в этот период известные ограничения карьерных возможностей для «сына врага народа», а тем более — сына расстрелянного украинского наркома просвещения, наложились на годы участия Затонского во Второй мировой войне и последовавшую за ними восьмилетнюю военную службу на территории Восточной Германии. Поэтому закончить прерванное войной обучение в университете Затонский смог лишь почти через пятнадцать лет.

Тем не менее его запоздалый старт оказался стремительным и ярким. И в то же время — по-своему органичным для эпохи «реабилитанса». За считанные годы Дмитрий Затонский, вчерашний пария с типичным клеймом «сын врага народа» и нетипичной историей ускользания от сталинских репрессий (по принципу «если хочешь спрятать вещь, положи ее на самое заметное место») преодолел путь от автора первых литературно-критических заметок до заведующего отделом критики в ведущем украинском литературном журнале «Всесвіт» (1959–1960) и заведующего новосозданным отделом мировой литературы Института литературы (с 1961 года). Назначение на стратегические для украинского литературоведения посты человека с такой биографией было «обычным чудом» хрущевского «реабилитанса». Необычным было другое: дух внутренней свободы, заявлявший о себе во внешне лояльных к тогдашней

идеологии работах ученого и, как следствие, размах их популярности как в узких филологических, так и в широких читательских кругах.

Это засвидетельствовали две небольшие, но резонансные монографии Д. Затонского, увидевшие свет в первой половине 1960-х годов. В первой книге, называвшейся «Век XX. Заметки о литературной форме на Западе» (1961)¹, ученый на полях своего исследования творчества культивируемых советской идеологией (и культовых для советской интеллигенции) писателей, вроде Э. М. Ремарка или Э. М. Хемингуэя, высвечивал фигуры мало известных или табуированных западных авторов. Другая же его монография, «Франц Кафка и проблемы модернизма»², стала одним из основополагающих для советской рецепции Кафки событием. Ее публикация ознаменовала собой не только открытие прежде замалчиваемого писателя, но и важную веху в либерализации самого официального литературного канона.

Сделанные в этой книге открытия исследователя и использовавшиеся им стратегии «продвижения» кафковского творчества в советское культурное сознание едва ли могут быть оценены по достоинству без хотя бы беглого взгляда на аналогичные процессы у соседей по социалистическому лагерю. Ограничусь здесь кратким обзорным сопоставлением центральных событий «оттепельной» кафковской рецепции в СССР и ГДР — тогдашнем форпосте немецкоязычного литературоведения в социалистическом лагере.

Их общим культурным контекстом были охватившие социалистический лагерь ожесточенные дебаты вокруг концепции противоборства социалистического реализма и модернизма,³ которая сформировалась под (почти диктаторским) влиянием идей Дьердя Лукача (1885–1971)⁴ и, по сути, развернулась в центральный историко-литературный нарратив.⁵ В рамках этого нарратива соцреализм позиционировался как «высшее достижение» мировой литературы,

1 ZATONSKIJ, D.: *Vek XX. Zаметki o literaturnoj forme na Zapade*. Kijev: Izdatel'stvo Kijevskogo universiteta imeni Tarasa Ševčenko, 1961.

2 ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemu modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1965.

3 Детальный аналитический обзор дискуссий о модернизме в СССР предлагает статья Алины Волинской «Модернизм как советский антиканон: литературные дебаты 1960–1970-х годов». См.: VOLYNSKAJA, A.: *Modernizm kak sovetiskij antikanon: literaturnye debaty 1960–1970-ih godov*. *Logos. Slova i kamni*, 2017, № 6. [online]. URL: <https://logosjournal.ru/articles/2069/>. [cit. 12.10.2024]. Краткий обзор аналогичных восточнонемецких дискуссий см.: WINNEN, A.: *Kafka-Rezeption in der Literatur der DDR. Produktive Lektüren von Anna Seghers, Klaus Schlesinger, Gert Neumann und Wolfgang Hilbig*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006.

4 WINNEN, A.: *Kafka-Rezeption in der Literatur der DDR. Produktive Lektüren von Anna Seghers, Klaus Schlesinger, Gert Neumann und Wolfgang Hilbig*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006, s. 18–20.

5 Дмитрий Затонский подключился к этим дискуссиям уже в ранних работах. См., например: ZATONSKIJ, D.: *Modernistskije mify i dejstvitel'nost'*. Moskva: s. n., 1964.

в то время как понятие «модернизм», по замечанию Алины Вольтинской, функционировало «в качестве генерализирующего понятия, описывающего чуждую и вражескую антилитературу»,⁶ якобы пораженную пороками «загнивающего» капитализма и исторической обреченности.⁷ Однако организованная идеологическая травля модернистов имела своим противоположным эффектом упорное стремление к их популяризации, при чем не только в среде интеллектуалов-аутсайдеров, но и среди представителей официального литературоведения. Вопреки всем бранным словам и упрекам в адрес писателей-модернистов, в годы хрущевской оттепели развернулся широкий фронт их переводов и публикаций. На маргинесе официального литературного дискурса появились первые эскизы субъективных альтернативных историй литературы, вроде книги «Люди, годы, жизнь» (1960–1966) Ильи Эренбурга⁸, в которой была предпринята беспрецедентная в то время попытка осторожной реабилитации некоторых модернистских авторов. Более того, внутри самого этого дискурса сформировалось своеобразное контр течение, представители которого, в большей или меньшей степени используя ритуальную риторику критиков модернизма, изнутри подрывали господствующий литературный канон и постепенно внедряли в него замалчиваемых или маргинализированных цензурой писателей.

В 1961–1962 годах в Восточной Германии появились первые (и до 1989 года единственные) диссертации Хельмута Рихтера и Клауса Хермсдорфа о Кафке, которые, мало что изменили в негативной официальной литературной репутации писателя.

Однако уже в 1963 году чехословацкий Союз писателей организовал знаменитую конференцию по Кафке в замке Либлице, которую сегодня связывают не только с началом широкомасштабной «реабилитации» Кафки в Чехословакии, но и значимыми импульсами для демократизации чехословацкого общества, вплоть до Пражской весны. В центре внимания докладчиков находились вопросы рецепции Кафки в социалистическом блоке, а также проблема отчуждения. На конференцию — неожиданно для организаторов — приехала Анна Зегерс (1900–1983), на ту пору первое официальное лицо

6 VOLYNSKAJA, A.: Modernizm kak sovetskij antikanon: literaturnyje debaty 1960–1970-ch godov. *Logos. Slova i kamni*, 2017, № 6. [online]. URL: <https://logosjournal.ru/articles/2069/>. [cit. 12.10.2024].

7 В качестве характерного примера сошлюсь здесь на сборник 1966 года «О литературно-художественных течениях XX века», который представляет статьи, написанные авторитетными в то время советскими исследователями именно в этой интерпретационной парадигме. См.: ANDREJEV, L. – SOKOLOV, A. (red.): *O literaturno-chudožestvennyh tečenijach XX veka*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966.

8 ÈRENBURG, I.: *Ljudi, gody, žizn'*. T. 1–3. Moskva: Tekst, 2005.

Союза писателей ГДР и первая звезда восточнонемецкой литературной сцены. Зегерс воздержалась от участия в публичных дискуссиях и покинула конференцию до ее официального закрытия. Тем не менее ее странное, если не сказать двойственное, молчаливое присутствие стало важным индикатором «потепления» официальной рецепции Кафки в ГДР.⁹

В том же 1963 году в Киеве вышел первый в Советском Союзе перевод произведений Кафки (что было симптоматично, потому что в годы хрущевской «оттепели» Киев нередко выступал своеобразной апробационной площадкой для распространения текстов «нежелательных» западных авторов). Упомянутая публикация включала пять рассказов писателя, а также отрывки из его романов «Америка» и «Процесс». Переводы, выполненные на украинский язык блестящим переводчиком Евгением Поповичем (1930–2007), были напечатаны «под прикрытием» литературно-критической статьи «Франц Кафка, каким он был на самом деле» германиста Дмитрия Затонского.¹⁰ В ней исследователь, используя идиомы официального советского литературоведения, разоблачал «дефекты» и «слабости» кафковского «декадентского» письма в контексте все тех же жарких дискуссий о конфронтации соцреализма и модернизма. Но, по сути, этой статьей ученый пробил брешь в своеобразном «железном занавесе», которым советская цензура отгородилась от Кафки вкупе со многими другими представителями «враждебной» модернистской эстетики. Таким образом, исследователь инструментализировал язык советской цензуры для того, чтобы «протащить» запретного писателя в советское культурное пространство. Именно так оценил ее значение спустя сорок лет многолетний главный редактор журнала «Всесвіт» О. Мыкытенко (1928–2020): «Эта сенсационная публикация в декабре 1963 г., — писал он по поводу статьи Затонского о Кафке, — познакомила, наконец, украинских читателей с творчеством этого выдающегося писателя и стала увертюрой для появления в 1965 г. однотомника его произведений на русском языке в издательстве „Прогресс“ в Москве».¹¹

Через два года после конференции в Либлице промолчавшая там Анна Зегерс выступила на международном конгрессе писателей в Веймаре с речью о Кафке. В ней писательница затронула вопросы взаимоотношений действительности и фантастики в кафковских текстах и сместила акцент на аполитичную трактовку писателя. Вместе с тем, поставив в этом выступлении автора

9 Cp.: NAGELSCHMIDT, I. – MEIßGEIER, S.: Ein Leben zwischen den Zeiten und den Orten. In: NAGELSCHMIDT, I. – MEIßGEIER, S. (Hg.): *Anna Seghers: Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Heidelberg: J. B. Metzler Verlag, 2020, s. 3–39.

10 ZATONS'KIJ, D.: Franc Kafka, jakim він був u dijsnosti. *Vsesvit*, 1963, № 12, s. 14–17.

11 МЫКЫТЕНКО, О. – НАМАЛІЇ, Н. І. (red.): *Žurnal inozemnoji liteatury «Vsesvit» u XX storičči (1925–2000): bibliohrafičnyj pokazčyk zmistu* Kyjiv: «Vsesvit», 2004, s. 89.

«Процесса» в один ряд с Гофманом и Гоголем, Зегерс впервые намекнула на право Кафки на место в каноне мировой литературы.¹²

В том же году, когда Зегерс в своей публичной речи с осторожной дерзостью тематизировала возможность литературной канонизации Кафки, в Москве вышли сразу две книги, которые фактически представили его советской читательской аудитории как автора, бесспорного принадлежащего к первому писательскому рангу.

Одной из них был первый сборник переводов произведений Кафки на русский язык, включивший роман «Процесс» и 41 текст малой прозы писателя.¹³ Составителем и автором обширного предисловия к этому изданию был Борис Сучков (1917–1974), в те годы — директор Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. И хотя сборник вышел относительно небольшим для масштабов советского книгопроизводства тиражом — 10 тысяч экземпляров, — он стал важным литературным событием и знаком больших перемен в советской гуманитаристике.

Второй книгой была опубликованная в Москве монография «Франц Кафка и проблемы модернизма» Дмитрия Затонского. Она не только на десятилетия определила интерпретационную парадигму текстов пражского автора в (пост)советском пространстве, но и вошла в перечень культовой лектуры интеллектуальной элиты периодов хрущевской «оттепели» и «брежневского» застоя.

В том же году в ГДР на тонкой печатной бумаге вышел том произведений Кафки, включивший, кроме рассказов, романы «Процесс» и «Замок». Так был положен конец действовавшему с 1947 года запрету на публикацию текстов пражского писателя в Восточной Германии.¹⁴ Но и после этого Кафка все еще оставался там литературной «персоной нон грата». Ситуация изменилась лишь в 1972 году после публикации рассказа Анны Зегерс «Встреча в пути» (Eine

12 WINNEN, A.: *Kafka-Rezeption in der Literatur der DDR. Produktive Lektüren von Anna Seghers, Klaus Schlesinger, Gert Neumann und Wolfgang Hilbig*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006, s. 43.

13 KAFKA, F.: *Roman. Novelly. Pritči*. Moskva: Progress, 1965. Примечательно, что следующие переводы объемных текстов Кафки на русский язык появились лишь двадцать лет спустя. В 1988 году в периодических изданиях параллельно были напечатаны переводы кафковского романа «Замок»: перевод Г. Ногкина в журнале «Нева» (№ 1–4) и перевод Р. Я. Райт-Ковалевой в журнале «Иностранная литература» (№ 1–3). Последний вышел отдельной книгой в серии «Литературные памятники» в 1990 году, см.: KAFKA, F.: *Zamok*. Perevod s nemeckogo R. Rajt-Kovalevoj. Moskva: Nauka, 1990.

14 Cp.: LANGENBRUCH, TH.: Eine Odyssee ohne Ende. Aufnahme und Ablehnung Kafkas in der DDR. In: CAPUTO-MAYR, M. L. (Hg.): *Franz Kafka. Eine Aufsatzsammlung nach einem Symposium in Philadelphia*. Berlin: Agora-Verlag, 1978, s. 157–169.

Reisebegegnung).¹⁵ В нем писательница изобразила Кафку в компании (почти)¹⁶ равновеликих ему Гофмана и Гоголя, беседовавших с ним о тех самых вопросах литературы, по поводу которых велись жаркие споры в социалистическом лагере 1960–1970-х годов. Поместив таким образом Кафку в литературный канон, Зегерс открыла новую эпоху в ГДРовской рецепции Кафки, на что с известными оговорками указывает исследовательница Ангелика Виннен: «Можно ли (и в какой степени) считать «Встречу в пути» Анны Зегерс „смелым обязательством“ по отношению к творчеству Франца Кафки или же она отражает то, что, по крайней мере, частично уже было консенсусом в начале 1970-х годов, трудно оценить задним числом. В любом случае, публикация рассказа установила авторитетный стандарт, на который могли ссылаться издатели и редакторы, и прежде всего — молодые писатели. Будучи одним из первых примеров публичной рецепции Кафки, „Встреча в пути“ знаменует собой начало медленной реабилитации Кафки в ГДР — и ряда дальнейших трактовок творчества пражского автора».¹⁷

Этот краткий хронологический обзор свидетельствует о том, что между писателями и литературоведами, пытавшимися включить кафковские тексты в литературные каноны разных стран Восточного блока, существовали гласные и негласные консенсусы, взаимодействия и взаимовлияния. Выступление или публикация о Кафке в одной соцстране так или иначе содействовало продвижению его книг в другой. И появление сучковского сборника переводов Кафки и монографии Затонского в Москве, в столице государства-лидера социалистического лагеря, под крылом главной идеологической институции советского литературоведения, какой был Институт мировой литературы имени А. М. Горького, сыграло в этой цепной реакции отнюдь не последнюю роль.

И Анна Зегерс, и Борис Сучков, и Дмитрий Затонский своими текстами о Кафке расшатывали устаревший догматичный литературный канон внутри самого официального идеологического дискурса. Но Зегерс — благодаря художественной форме рассказа «Встреча в пути» — могла с изящной неприужденностью непосредственно вписать Кафку в первый писательский ряд и тем самым поставить читателей лицом перед свершившегося «зачисления» в официальный литературный канон. В отличие от нее, Затонский и Сучков

15 SEGHERS, A.: Eine Reisebegegnung. In: SEGHERS, A.: *Erzählungen 1963–1977*, 2. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag, 1981, s. 497–531.

16 С одной стороны, Кафка у Зегерс предстает равноценным собеседником Гоголя и Гофмана, но, с другой — обозначен как их младший преемник, которого они наставляют и поддерживают.

17 WINNEN, A.: *Kafka-Rezeption in der Literatur der DDR. Produktive Lektüren von Anna Seghers, Klaus Schlesinger, Gert Neumann und Wolfgang Hilbig*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006, s. 51.

в качестве интерпретаторов вынуждены были апеллировать к официальному дискурсу, чтобы аргументировать предпринимаемую ими легитимацию Кафки. Иначе говоря, они использовали стратегию субверсии, подрывавшую советскую цензуру с помощью ее же методов и языка.

Например, Борис Сучков (как и многие другие интеллектуалы этого поколения, прошедший через сталинские лагеря), использовал свой авторитет директора Института мировой литературы, чтобы пробивать дорогу изданиям переводов маргинализированных цензурой зарубежных писателей. Однако, чтобы цензура пропускала их тексты, он вынужден был в презентующих их статьях прибегать к штампам «модернизаторческой» советской литературной критики. В противном случае шансы на публикацию таких писателей были бы равны нулю. В этом контексте получает свое объяснение то парадоксальное впечатление, которое произвел выпущенный им сборник переводов кафковской прозы на многих зарубежных коллег. С одной стороны, они воздавали должное безупречному вкусу и высокому профессионализму составителя, а с другой — недоумевали по поводу его провального «железобетонно советского» предисловия. Кое-кому было трудно было поверить в то, что составление сборника и написание предисловия к нему — дело рук одного и того же человека.

Часто вспоминая об этом эпизоде в наших разговорах в конце 1990-х годов, Дмитрий Владимирович Затонский неизменно подчеркивал, что, напечатав такое предисловие, Сучков сознательно пожертвовал своей научной репутацией ради того, чтобы кафковская книга попала в руки советского читателя. По свидетельству Затонского, Сучков однажды сказал ему, что может умереть со спокойным сердцем после того, как выйдут в свет переводы кафковских текстов, эпопея «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста и роман «Улисс» Джеймса Джойса. Но сердце отказало намного раньше; Борис Сучков не дождался ни публикации многих томов прустовского романа, ни русского перевода джойсовского шедевра.

Высоко оценивая профессиональное самопожертвование Бориса Сучкова, Дмитрий Затонский предпочитал в том же официальном литературном поле идти иным путем.

Кафка и стратегия субверсии

В монографии «Франц Кафка и проблемы модернизма» — несмотря на неизбежно используемый им язык советского нарратива о «подернутом тленом и распадом» модернизме — Затонский осуществлял решительный прорыв через цензурные заслоны официального литературоведения. Вопреки

сложившемуся ритуалу редуцирования дискуссий о модернизме к его идеологическому линчеванию, ученый смог здесь перевести стрелку внимания с идеологической плоскости на поэтологическое своеобразие кафковского письма, придав предмету разговора научное содержание и аналитическое измерение. Вместе с тем он недвусмысленно охарактеризовал, на ту пору затираемого цензурой писателя, как гения, давшего глубокую, если не провидческую оценку своей эпохе. При этом анализ кафковской поэтики ученый проводил на фоне исследования общих духовно-эстетических тенденций европейской модернистской прозы первой трети XX века, щедро иллюстрируя свои наблюдения примерами из текстов Джойса и Пруста, которых, так же, как и Кафку, не жаловала советская цензура. Его монография в значительной степени способствовала формированию в советском, а затем и в украинском литературоведении традиции рассматривать этих авторов как трех отцов-основателей европейской модернистской прозы.

Комбинируя имитацию официального антикафковского дискурса с имманентным анализом кафковского письма, Затонский добивался заметных субверсивных эффектов. Последние он мастерски подчеркивал за счет обильных кафковских цитат, очевидным образом опровергавших антикафковские идеологические клише. Это «письмо между строк» — особый навык или даже род искусства — нередко остается неузнанным и не(до)оцененным в среде сегодняшних читателей, в том числе — профессиональных историков литературы, из-за чего работы практиковавших такое письмо исследователей механически и несправедливо подверстываются под официальный литературоведческий дискурс. Однако критически мыслявшие читатели 1960–1980 годов хорошо понимали этот «эзопов язык». Протестный его потенциал немало способствовал тому, что монография Затонского имела большой успех не только в Советском Союзе, но и в других странах Восточного блока, в частности — в мятежной Венгрии.

И все же главным достижением этой книги Затонского был революционный на то время пафос реабилитации и Кафки, и других представителей европейского модернизма, и самого модернизма. В качестве показательного примера приведу лишь одну цитату из монографии Затонского: «Это очень большое искусство — показать мир через образную деталь, заставить его, как в прозрачной капле, отразиться в каком-то глубоко впечатляющем частном событии. Впрочем, одного только большого искусства для этого тоже недостаточно. Ибо такая деталь должна быть сознательно отобранной потенциальной моделью мира, а не чем-то случайно бросившимся в глаза и потом расширенным до пределов универсального символа. [...] Модернизм —

явление очень сложное, и это — явление искусства. Оно способно создавать эстетические ценности».¹⁸

Следует хорошо представлять себе толщину ледяного панциря, покрывшего советское культурное сознание за тридцать лет правления Сталина и едва затронутого первым теплом хрущевской «оттепели»; следует хорошо представлять себе также масштаб и угар развязанной официальным советским литературоведением антимодернистской кампании, чтобы адекватно оценить как смелость «кафковского проекта» Д. Затонского, так и его общекультурное значение. Относительно последнего ограничусь лишь несколькими комментариями: книга Д. Затонского «Франц Кафка и проблемы модернизма», положившая начало всесоюзной, как говорили в те годы, известности автора, родилась с репутацией литературоведческой сенсации и в течение сорока лет, то есть еще до середины 90-х годов, оставалась единственным (!) монографическим исследованием кафковского творчества в (пост-)советском пространстве. А разработанные исследователем субверсивные практики стали локомотивом официальной канонизации Кафки в Советском Союзе.

Эти практики, апробированные Затонским в ходе «открытия» Кафки в СССР, определили также стратегию его собственной профессиональной реализации. В годы брежневского застоя многие советские гуманитарии капитулировали перед поворотом власти к политике «закручивания гаек» и приспособились к конформистскому обслуживанию господствующей идеологии. Немногие интеллектуалы перешли к публичной конфронтации с властью, заплатив за свою бескомпромиссность годами тюремного заключения, лагерных ссылок или изгнаничества. Однако был и третий путь: оставаясь в легитимном пространстве и не вступая в открытую борьбу с государственным аппаратом, пытаться максимально честно служить своему делу в границах возможного, исподволь расширяя их и расшатывая идеологический фундамент. Именно этим путем пошел Дмитрий Затонский. Фанатичных служаек режима он презирал; одиночек-борцов почитал как героев, но для себя их судьбы не искал: слишком тяжелую школу выживания он прошел в молодые годы, чтобы в зрелом возрасте взвалить на свои плечи крест мученика за идею, тем более что к диссидентским «позитивным программам» он относился если не скептически, то с сомнением. В итоге он нашел свое место среди тех гуманитариев, которые играли против Системы на поле Системы.

Эта стратегия позволила ему занять позицию своеобразного культурного посредника не только внутри социалистического лагеря, но и за его пределами.

18 ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. 2 izdanije, ispravl. Moskva: Vysšaja škola, 1972, s. 13–14.

Действительно, Затонский был «послом» западной литературы «здесь», когда «протаскивал» в советское читательское пространство мало или вовсе не известные произведения и писательские имена. И он был «послом» советской гуманитаристики «там», когда его книги, переведенные на иностранные языки, попадали в руки читателей других стран, а сам он во время зарубежных командировок устанавливал личные контакты с такими крупными фигурами западной литературной сцены, как Макс Фриш, Фридрих Дюрренматт, Жорж Сименон или Генрих Белль.

Осуществлять такую миссию в условиях «холодной войны» было не так легко и даже не так почетно. «Здесь», на родине, следовало маневрировать между идеологией и наукой, между цензурой и свободой собственного творчества. Но и «там», за границей, ученый сталкивался не только с навязчивым надзором советских спецслужб, но и с агрессией ненавистников советской «империи зла».¹⁹ Тем не менее, в общении с западными интеллектуалами — так же, как и в своих научных работах, — Дмитрий Затонский вел себя смелее и свободней, чем многие его советские коллеги. Не в последнюю очередь благодаря этому он смог установить прочные контакты с кафковедомы разных стран, а также доверительные (как, например, в разговорах с М. Фришем) или даже приятельские (как, скажем, в общении с Г. Беллем) отношения со многими известными западными интеллектуалами. Но за это относительное свободомыслие, в конечном счете, пришлось заплатить: обнаружив, что выпускаемый ею за «железный занавес» ученый слишком много себе позволяет, власть сделала его невыездным на целых двадцать лет — то есть, по сути, до падения Советского Союза, которое отметило собой новую эпоху в профессиональной карьере Дмитрия Затонского.

Кафка как личная тема Дмитрия Затонского

После выхода монографии «Франц Кафка и проблемы модернизма» исследовательская деятельность Д. Затонского характеризовалась широким охватом тем и фигур, который можно, используя подзаголовок его последней книги,

19 Одну из таких историй я знаю из устных рассказов Затонского. В день, когда в Прагу вошли советские танки, он был приглашен швейцарским писателем Ф. Дюрренматтом на небольшую вечеринку, которую тот устроил после премьерного показа одной из своих пьес. Но во время празднования жена писателя в некорректной форме выразила протест против событий в Чехословакии, адресовав его лично Д. Затонскому. Ситуацию спасло лишь вмешательство самого Дюрренматта, который, извинившись за жену, посадил гостя рядом с собой и до конца вечера от себя не отпущал. И хотя реакция хозяина дома и его земляков, на следующий день звонивших в гостиницу к Д. Затонскому с извинениями за поведение своей соотечественницы, смягчили неприятные впечатления от инцидента, тем не менее горький привкус этого события надолго запечатлелся в его памяти.

обозначить формулой «от сочинителя Умберто Эко до пророка Экклезиаста»²⁰. Однако кафковская тема, которой он был обязан взлетом своей профессиональной карьеры, оставалась одним из центральных лейтмотивных компонентов его последовавших работ — как литературоведческих, так и собственно литературных. Чем была обусловлена эта особая приверженность к кафковскому миру и в первую очередь — к теме кафкианского абсурда, Дмитрий Затонский объяснил в своей автобиографической повести «История одной судьбы» (1983).²¹ В качестве «прелюдии» к рассказу о собственной жизни автобиографический протагонист описал здесь солнечное ноябрьское утро 1937 года, когда он, пятнадцатилетний школьник, проснулся от непривычного стука в своей комнате и, выйдя в гостиную, обнаружил там проводивших обыск людей в форме НКВД. Появление в доме посланников печально известного ведомства имело своим продолжением арест родителей, который увенчался отправкой матери на десять лет в сибирские лагеря и расстрелом отца — бывшего профессионального революционера, соратника Ленина и отнюдь не рядового участника Гражданской войны, который на момент описываемого события занимал ключевую идеологическую должность Наркома образования СССР. В день, когда люди в форме НКВД бесцеремонно рылись в вещах его родителей, юный Дмитрий Затонский в полной мере пережил травматичный переход из категории отпрысков советской партийной элиты в чреватый самыми страшными угрозами статус «сына врага народа».

Этот эпизод инсценирован в повести Затонского как наглядная лично-автобиографическая параллель к первой главе кафковского «Процесса». Но одновременно он вызывает ассоциации и с кафковским «Превращением»: подобно Грегору Замзе, юный протагонист в тот день проснулся в кошмаре новой реальности, где он, вчерашний сын красного вождя, был выброшен на обочину жизни — беспомощный, проклятый и обреченный на аутсайдерство. Это был день одномоментной и необратимой потери его доверия к общественному строю, который приводил к ничем не мотивированному и потому еще более абсурдному разрушению основ бытия, разрушению семьи и отчего дома, жизни самых близких людей и его собственного будущего. С того дня, открывшего ему глаза на преступность сталинского режима, Затонский ясно видел дефекты тоталитарного государства, превращавшего своих граждан в узников кафкианской «исправительной колонии». Это был день травматичной прививки не только против коммунистической

20 ZATONSKIJ, D.: *Modernizm i postmodernizm (Ot sočinitelja Umberto Èko do proroka Èkkleziasta). Mysli ob izvečnom kolovraščenii izjaščnyh i neizjaščnyh iskusstv*. Char'kov: Folio, 2000.

21 ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by*. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rasskazy*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 3–208.

идеологии, которая, подобно мифическому Кроносу, пожирала собственных детей, но и против любых идеологий, которые, подобно мифическим сиренам, райскими посулами заманивали своих жертв в губительные ловушки. С тех пор политические суггестии не имели над ним власти, а на любые идеологические постулаты он реагировал с неизменной иронией. Именно она помогала ему отлавливать кафкианский абсурд не только в художественном, но и в реальном мире, и не только в самой Системе, но и в его собственном сопротивлении ей. Единственной верой, которую он исповедовал, — нередко прикрываясь щитом все той же иронии — была вера в человечность. И в этом пункте Затонский тоже «перекликался» со своим любимым писателем Кафкой.

Пятнадцать лет его сопротивления Системе пришлось на время сталинского режима, снова и снова порождавшего волны террора и чисток, вдвойне опасные для политических изгоев, к которым принадлежал Затонский. К тому же некоторую часть этого периода он находился в положении двойного аутсайдера, поскольку для того, чтобы быть принятым на военную службу во время Второй мировой войны, он вынужден был скрыть сведения о репрессированных родителях. Так началась его многолетняя история «нелегитимной» службы в армии, где он был сначала простым солдатом-связистом, потом — разведчиком-переводчиком, а после разгрома гитлеровских войск — офицером на оккупированной территории Германии. В любой момент этого периода он мог быть разоблачен каким-нибудь верноподданным сталинской империи или пасть жертвой обычной дежурной проверки внутри военного ведомства. Однако этого не случилось, несмотря на то что рядом с ним постоянно находились люди, догадывавшиеся о его тайне. Это укрепило его веру в непреодолимую силу человеческой солидарности и человечности.

Через много лет, прошедших с судьбоносного ноябрьского дня 1937 года, Дмитрий Затонский прочитает произведения Кафки и во всей остроте переживет то, что сказала об этом писателе Анна Ахматова: «Он писал обо мне и для меня».²² Неудивительно, что Кафка остался сквозным «героем» исследований Затонского и после издания монографии «Франц Кафка и проблемы модернизма» 1965 года: отсылки к текстам пражского писателя часто встречаются у Затонского в его работах 1970–1980-х годов. В 1985 году в Москве вышла его монография «Австрийская литература в XX столетии»²³, в которой большой раздел был посвящен обновленному прочтению Кафки. А в 1990-е годы ученый выступил в печати с новой, свободной от идеологических рамок

22 АХМАТОВА, А.: Podražanije Kafke. In: АХМАТОВА, А.: *Sobranije sočinjenij v 6 tomach*. Т. 2. Кн. 2. Moskva: Èllis Lak, 1999, s. 94–95.

23 ZATONSKIJ, D.: Franc Kafka. In: ZATONSKIJ, D.: *Avstrijskaja literatura v XX stoletii*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 173–213.

ре-интерпретацией Кафки. Она была представлена Затонским в разделе «Франц Кафка», помещенным в его работу «Феномен австрийской литературы» (1998)²⁴, а также предисловиях к нескольким изданиям произведений пражского автора, выпущенных в Украине, в том числе — в предисловии к известному трехтомнику кафковских произведений (1995), опубликованному издательством «Фолио» в Харькове.

Лейтмотивным является кафковский след и в художественной прозе Дмитрия Затонского, которая до сегодняшнего дня, за исключением считанных статей, не стала предметом серьезного анализа.²⁵ Выше уже отмечались кафковские мотивы в автобиографии «История одной судьбы». Однако сам сюжет этой «почти документальной» повести, сконструированный — при всей мемуарной достоверности — как гибрид «плутовского романа» и «романа воспитания», осмысляется через призму авторской концепции судьбы, которая очевидным образом опирается на характерное для кафкианского абсурда сращение перверсивной логики, (само)иронии, обреченности противостояния личности давлению тотальной власти и гротескных вывертов реальности. Чисто кафкианский сюжет положен в основу и гротескной истории «В дни войны», где два кровавых тирана и смертельных врага, Гитлер и Сталин, через некоего советского разведчика Никишина передают друг другу яркие открытия, собственноручно вырезаемые ими из иллюстрированных журналов и бережно хранимые ими чуть ли не в одинаковых альбомах.²⁶ В рассказе «Личное дело сотрудника личной охраны» Затонский изображает генсека Брежнева, запертого в клетку собственного «ремесла» управления большой

24 ZATONS'KYJ, D.: Fenomen avstrijs'koji literaturi. *Vikno v svit. Avstrijs'ka literatura*, 1998, № 1, s. 76–106.

25 См., например, объемную статью украинской германистки Киры Шаховой «Дмитрий Затонский — литературовед и писатель», напечатанную в качестве предисловия к сборнику прозы Затонского «История одной судьбы» (ŠACHOVA, K.: *Dmitrij Zatonskij — literaturoved i pisatel'*. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 3–12) или заметки «Дни» Сергея Манукяна, опубликованные в 6-м номере журнала «Знамя» за 2021 год (MANUKJAN, S.: *Dni. Znamja*, 2021, № 6. [online]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7987>. [cit. 12.10.2024]). Стоит упомянуть также доклад Бориса Бегуна «Иллюзии и пророчества в литературоведческих работах и прозе Дмитрия Затонского», представленный в 2007 году на «летней школе» по германистике в Судаке (в рамках поддержанной DAAD программы германистского партнерства между Центром германистики при Институте литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины и Институтом немецкой и нидерландской филологии, а также Институтом общего и сравнительного литературоведения имени Петера Сонди Берлинского Свободного университета).

26 ZATONSKIJ, D.: *V dni vojny*. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 208–212.

страной, как персонажа, родственного кафковскому «Голодарю».²⁷ Или взять рассказ Затонского «Поездка в СВ», где по логике кафковского «Приговора» банальная мелкая ссора генералов стремительно разворачивается в большой военный переворот.²⁸ Многочисленные кафковские акценты считываются с рассказа «Процесс», где моделируется ситуация ареста и заключения Сталина в застенках НКВД, насыщенная явными и скрытыми переключками с кафковским «Процессом».²⁹ За всеми этими сюжетами и персонажами, фантазмагорическими трансформациями действительности, гротескной логикой развития, актами демаскирования верховной власти и разоблачения абсурдности социоисторической жизни, чувствуется, по верному наблюдению Киры Шаховой, кафковская школа.³⁰ Правда, вынесенный из ее стен опыт Затонский-писатель соединил с конкретными политическими фигурами и реалиями советской жизни, тем самым перенаправив арсенал знаменитой кафковской иронии на дискредитацию Системы, которой он физически принадлежал, но духовно противодействовал.

Между Умберто Эко и пророком Экклезиастом: «переоткрытие» Кафки как постмодерниста

Личной укорененностью в кафковском художественном мире определялся целый спектр исследовательских предпочтений Дмитрия Затонского. Скажем, присущий ему интерес к анализу творчества тех писателей XX века, которые тяготели к гротескной образности, параболическим сюжетам, парадоксально-алогичному письму, — например, Музиля, Рота, Грасса, Ионеско, Фриша, Дюрренматта, Беккета, Роб-Грийе, Борхеса, Эко и других. Однако еще важнее, пожалуй, было то, что кафковские мотивы абсурда, непостижимых метафизических законов, призрачности человеческих экзистенциальных проектов, трагического отчуждения «маленького человека» и т. п. вошли в самую сердцевину представлений Затонского о литературе и мире. В 1960–1980-е годы такая интерпретаторская оптика была мало совместима с энтузиастским пафосом коммунистического строительства, а потому выражалась в написанных им текстах преимущественно в латентных или субверсивных формах.

27 ZATONSKIJ, D.: Ličnoje delo sotrudnika ličnoj ochrany. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 250–288.

28 ZATONSKIJ, D.: Pojezdka v SV. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 304–352.

29 ZATONSKIJ, D.: Process. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 212–250.

30 ŠACHOVA, K.: Dmitrij Zatonskij — literaturoved i pisatel'. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 4.

В своих работах тех лет Затонский старался минимизировать внешние уступки цензуре, чем дальше, тем заметнее редуцируя их до ритуальных ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Вместе с тем он подрывал господствующие идеологические клише и табу, демонстрируя их беспомощность перед многообразной и многозначной стихией свободного художественной творчества. Субверсивный характер его работ усиливался за счет многочисленных отсылок к значительным работам зарубежной гуманитаристики, которые преимущественно были недостижимы для советской интеллигенции, отрезанной «железным занавесом» от культурной и научной жизни за рубежом. Поэтому едва ли не каждая опубликованная монография Затонского дополнительно выполняла функцию своеобразного компендиума новейших веяний зарубежной гуманитаристики.

С начала 90-х годов кафковская оптика стала эксплицитным стержнем исследований Д. Затонского, что в полной мере проявилось в его последней, по-настоящему свободной, а потому им самим наиболее ценимой книге «Модернизм и постмодернизм. Размышления об извечном круговороте изящных и не-изящных искусств» (2000). В ней Затонский возвел «кафкианское» письмо в статус одной из основополагающих сквозных линий истории литературы и культуры, которую он обозначил термином «постмодернизм». Согласно концепции ученого, главной движущей силой этой истории является постоянное чередование модернизма и постмодернизма как двух противоположных модусов культурного сознания, первый из которых, модернистский, характеризуется доминированием утопических энергий, а второй, постмодернистский, — является выражением скептической реакции на модернистские преобразовательные проекты. С опорой на эту концепцию Затонский на широком литературном, культурологическом, историческом и социополитическом материале представил оригинальную модель развития западной литературы от античности до конца XX столетия.

Симптоматично, что, размышляя в своей последней книге о плюралистической природе искусства и его глубинной потребности размывать границы устоявшихся представлений, ученый продолжил начатый еще в его монографии о Кафке демонтаж культурных механизмов и практик, нацеленных на производство примитивных «однозначностей» и монополию «единой» истины. Не только вдогонку прежнему диктату тоталитарной цензуры, но и в противовес сменившим его менее деспотичным и более гибким идеологическим формулам, Дмитрий Затонский писал: «Помянутая „множественность“ истин (или, если угодно, „неопределенность“ бытия) [здесь и далее выделено автором — Е. В.], вполне объективна. Но так уж устроен наш мир, что дается она в ощущение не массам, не коллективам, а лишь отдельным субъектам, да еще и пребывающим,

как правило, в состоянии исторгнутости, аутсайдерства. Удел всех прочих — **идеология**, порождающая коллективные мифы и на них паразитирующая. Такие современные мифы, в отличие от мифов времен предысторических, уже отнюдь не „реальность“ (даже в том значении, которое в понятие это вкладывал А. Ф. Лосев), — пусть в них и продолжают безоговорочно верить миллионы. И прежде всего потому, что они жестко навязывают *один* объект поклонения, *один* символ веры: **Вождь, Нация, Партия, Держава, Футбол, Белый (или Черный) Человек, Масс-медиа, Родина, Телевизор, Секс, Великий Писатель, Великий Актер, Великий Художник**. (Рискуя быть обвиненным в некоем упрощенчестве, все-таки решусь заметить, что в этих новейших мифах я склонен усматривать нечто „модернистское“. Искусство, напротив, исповедует (разумеется, если оно — искусство) естественнейший плюрализм: то есть, как я уже говорил, **соединяет несоединимое, состыкует несостыкуемое, перебрасывает**, стараясь захватить бытие врасплох, **мосты через пропасти неведомого**. И создает благодаря этому образ окружающего нас мира — единый (но не единственный!) в неприводимости к какому бы то ни было знаменателю и тем самым *постижимый* во всей своей неодолимой *непонятности*. Один из таких образов — это Великий Инквизитор у Достоевского, отпустивший Христа, и Христос у Достоевского же, поцеловавший Великого Инквизитора...»³¹

За этими рассуждениями стоял лично выстраданный и укрепленный профессиональной работой с западной литературой опыт «недоверия к метанарративам» (Ж.-Ф. Лиотар). Так, найденная в начале научной карьеры «кафковская нить» привела ученого на пороге его 80-летия — и на пороге нового века — в область исследований Постмодерна. Причем Затонский вошел в нее органичным и самобытным образом — не заимствуя западные концепции постмодернизма и не накладывая их на интересующий его материал (хотя, конечно, широко пользуясь опытом зарубежных коллег), а исходя из своей научной интуиции и внутренней логики своего научного развития. Именно это позволило ему разработать своеобразную концепцию истории литературы. Остается добавить, что в украинском литературоведении эта книга является не просто классическим исследованием постмодернизма, а наиболее полным на сегодняшний день аналитическим описанием постмодернистской эстетики, подкрепленным широкой палитрой интерпретаций постмодернистских текстов. Как видим, в этом случае — так же, как и в момент выхода его книги о Кафке — Затонский продемонстрировал и высокую чувствительность к вызовам времени, и незаурядную способность опережать свое время.

31 ZATONSKIJ, D.: *Modernizm i postmodernizm (Ot sočinitelja Umberto Èko do proroka Èkkleziasta). Mysli ob izvečnom kolovraščeni izjaščnych i neizjaščnych iskusstv*. Char'kov: Folio, 2000, s. 117–118.

Соединив концепт кафкианского абсурда с постмодернистской критикой метанарративов, поздний Затонский пришел к реинтерпретации Кафки как одного из центральных постмодернистских писателей. Через призму концепта кафкианского абсурда ученый переосмыслил и саму историю канонизации Кафки в СССР: «... советская власть Кафку не только терпела, но и боялась, ибо этот писатель своим существованием ставил под сомнение совершенно все ее доктрины. И Кафковские абсурды в конце концов по-своему победили искусственность советской системы. [...] В конце концов Кафка победил...»³²

Библиография:

- ACHMATOVA, A.: Podražanje Kafke. In: ACHMATOVA, A.: *Sobranije sočinjenj v 6 tomach*. T. 2. Kn. 2. Moskva: Èllis Lak, 1999, s. 94–95. ISBN 5-88889-024-3.
- ANDREJEV, L. – SOKOLOV, A. (red.): *O literaturno-chudožestvennyh tečenijach XX veka*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966.
- ÈRENBURG, I: *Ljudi, gody, žizn'*. T. 1. Moskva: Tekst, 2005. ISBN 5-7516-0434-2. T. 2. Moskva: Tekst, 2005. ISBN 5-7516-0435-0. T. 3. Moskva: Tekst, 2005. ISBN 5-7516-0452-0.
- KAFKA, F.: *Roman. Novelly. Pritči*. Moskva: Progress, 1965.
- KAFKA, F.: *Zamok*. Perevod s nemeckogo R. Rajt-Kovalevoj. Moskva: Nauka, 1990. ISBN 5-02-012742-6.
- LANGENBRUCH, Th.: Eine Odyssee ohne Ende. Aufnahme und Ablehnung Kafkas in der DDR. In: CAPUTO-MAYR, M. L. (Hg.): *Franz Kafka. Eine Aufsatzsammlung nach einem Symposium in Philadelphia*. Berlin: Agora-Verlag, 1978, s. 157–169. ISBN 978-3870080808.
- MANUKJAN, S.: Dni. *Znamja*, 2021, № 6. ISSN 0130-16161. [online]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7987>. [cit. 12.10.2024].
- MYKYTENKO, O. – HAMALĬJ, H. Ĭ. (red.): *Žurnal inozemnoji liteatury «Vsesvit» u XX storičči (1925–2000): bibliohrafičnyj pokažčyk zmistu*. Kyjiv: «Vsesvit», 2004. ISBN 966-95968-1-5.
- NAGELSCHMIDT, I. – MEIßGEIER, S.: Ein Leben zwischen den Zeiten und den Orten. In: NAGELSCHMIDT, I. – MEIßGEIER, S. (Hg.): *Anna Seghers: Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Heidelberg: J. B. Metzler Verlag, 2020, s. 3–39. ISBN 978-3476056641.

32 ZATONS'KYJ, D.: A vrešti-rešt peremih Kafka... *Vikno v svit. Zarubižna literatura. Literaturi Zachidnoji Jevropy*, 2001, № 4, s. 159.

- SEGHERS, A.: Eine Reisebegegnung. In: SEGHERS, A.: *Erzählungen 1963–1977*, 2. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag, 1981, s. 497–531.
- ŠACHOVA, K.: Dmitrij Zatonskij – literaturoved i pisatel'. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 3–12. ISBN 966-8188-9.
- VOLYNŠKAJA, A.: Modernizm kak sovetskij antikanon: literaturnyje debaty 1960–1970-ch godov. *Logos. Slova i kamni*, 2017, № 6, s. 173–202. ISSN 0869-5377. [online]. URL: <https://logosjournal.ru/articles/2069/>. [cit. 12.10.2024].
- WINNEN, A.: *Kafka-Rezeption in der Literatur der DDR. Produktive Lektüren von Anna Seghers, Klaus Schlesinger, Gert Neumann und Wolfgang Hilbig*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. ISBN 978-3-8260-2969-1.
- ZATONSKIJ, D.: Franc Kafka. In: ZATONSKIJ, D.: *Avstrijskaja literatura v XX stoletii*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 173–213. ISBN 966-8188-82-9.
- ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1965.
- ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. 2 izdanije, ispravl. Moskva: Vysšaja škola, 1972.
- ZATONŠ'KIJ, D.: Franc Kafka, jakim vın buv u dijsnosti. *Vsesvit*, 1963, № 12, s. 14–17.
- ZATONSKIJ, D.: Istorija odnoj sud'by. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 3–208. ISBN 966-8188-9.
- ZATONSKIJ, D.: Ličnoje delo sotrudnika ličnoj ochrany. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 250–288. ISBN 966-8188-9.
- ZATONSKIJ, D.: *Modernistskije mify i dejstvitel'nost'*. Moskva: s. n., 1964.
- ZATONSKIJ, D.: *Modernizm i postmodernizm (Ot sočinitelja Umberto Êko do proroka Êkkleziasta)*. Mysli ob izvečnom kolovraščenii izjaščnych i neizjaščnych iskusstv. Char'kov: Folio, 2000. ISBN 966-03-0754-3.
- ZATONSKIJ, D.: Pojezdka v SV. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 304–352. ISBN 966-8188-9.
- ZATONSKIJ, D.: Process. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 212–250. ISBN 966-8188-9.
- ZATONSKIJ, D.: V dni vojny. In: ZATONSKIJ, D.: *Istorija odnoj sud'by. Povesti. Rassказы*. Kijev: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago, 2007, s. 208–212.
- ZATONSKIJ, D.: *Vek XX. Zаметki o literaturnoj forme na Zapade*. Kijev: Izdatel'stvo Kijevskogo universiteta imeni Tarasa Ševčenko, 1961.
- ZATONŠ'KYJ, D.: A vrešti-rešt peremih Kafka... *Vikno v svit. Zarubižna literatura. Literaturi Zachidnoji Jevropy*, 2001, № 4, s. 149–159.
- ZATONŠ'KYJ, D.: Fenomen avstrijs'koji literaturi. *Vikno v svit. Avstrijs'ka literatura*, 1998, № 1, s. 76–106.

About the author

levgeniia Voloshchuk

European University Viadrina Frankfurt (Oder), Faculty of Social and Cultural Sciences, Axel Springer Endowed Chair for German-Jewish Literature and Cultural History, Exile and Migration, Frankfurt (Oder), Germany

voloshchuk@europa-uni.de

<https://orcid.org/0000-0002-8306-6042>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.